

За этим непониманием стоит многое. В понимании писателя первой трети XIX в. «жизнь и поэзия — одно», слова и дела, в частности служба и творчество, составляют или, по крайней мере, должны составлять единство.

Сам Державин имел в виду нечто совсем другое. В 1786 г. он писал Е. Р. Дашковой: «Для меня весьма удивительно, что многие наши братья, принимаясь за стихи, а особливо в похвалу божественной Фелице, так холодно и сухо изъясняются, что будто они совсем не чувствуют того, что пишут, и будто к прославлению великих дел ее надобны вымыслы, а не голая одна истина. Я бы, конечно, не оставил ее по мере сил моих превозносить и прославлять <...> ежели б не был уверен, что ей приятнее действия наши, отвечающие божественной воле ее, нежели слова <...> Самыми наилучшими словами можно льстить, а добрыми делами, отвечающими ее великим намерениям <...> льстить не можно» (V, 630—631). Для Державина, поэта, взгляды которого на службу и творчество сложились в XVIII в., «дела» важнее «слов». Но начиная с XIX в. и до наших дней предпринимаются попытки прокомментировать достаточно многочисленные высказывания Державина на тему о поэзии и службе, доказав, что Державин ставил творчество выше службы. Грот, например, писал: «Многие в наше время утверждали, что сам он ставил свою службу выше авторства, но это несправедливо; мысль его стиха: „А я пиит и не умру“ была не раз выражаема им и в других формах. Если иногда он говорил, что пишет только в *свободное от дел время*, то это было лишь для успокоения других, для того, чтобы оправдать себя в глазах начальства и тех, которые твердили, что стихотворство мешает делу» (VIII, 10). Однако не получает объяснения тот факт, что Державин неоднократно возвращался к этой мысли не только в стихотворениях, написанных в годы службы, но и в автобиографической прозе, написанной в годы отставки, когда никакого начальства у него уже не было, а цитируемую Гротом как пример его самооценки строчку в «Примечаниях» связал с перипетиями службы: «... автор описывает свое терпение, что он утеснялся тогда ареопагом или Сенатом по делам службы в бытность его губернатором в Тамбове, изъясняя, что злоба твердости его поколебать не может и что будучи пиитом он не умрет».⁴³

Этой же проблеме посвятила раздел «Поэт и поэзия» в своей книге о Державине Н. Вальденберг, которая тоже сочла точку зрения Белинского обидной для Державина и вступила с ним в полемику, процитировав целый ряд фрагментов, доказывающих, по ее мнению, что Державин достаточно высоко ценил собственное творчество.⁴⁴

Конфликт творчества и службы приписывался Державину в самых квалифицированных работах: «Особенно усиливалась

⁴³ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 83.

⁴⁴ Вальденберг Н. Державин. Опыт характеристики его мирозерцания. Пг., 1916, с. 21—31.